

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГЕОПОЛИТИКИ

УДК 338.24.01

DOI 10.37468/2307-1400-2024-4-5-28

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Сальников Виктор Петрович¹
Мусиенко Тамара Викторовна^{2,3}
Лукин Владимир Николаевич^{2,3}

¹ Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия

³ Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье осуществлен экспресс-анализ угроз и рисков национальной безопасности России, а также места и роли в этом англосаксонской стратегической культуры. Предпринята попытка определения общего и особенного в стратегической культуре Европейского Союза, отдельных государств Североатлантического альянса, их союзников. Компаративный анализ, проведенный в трех аспектах: отношении к стратегической среде, моделям сотрудничества, стратегическим целям и средствам, выявил возможность формирования европейской стратегической культуры и дальнейшего развития общей политики ЕС в области обеспечения односторонней безопасности без учёта безопасности России и других стран планеты.

Предпринята попытка определения перспектив возвращения к международным отношениям на основе международного права, а не «правил», установленных на «праве силы». Выявлена непосредственная связь внедрения американской стратегической культуры с процессом милитаризации Европы и стремительным ростом агрессивности и русофобии.

Обосновано, что унификация стратегических культур стран ЕС под влиянием англосаксонской стратегической культуры привела к изменению европейских национальных стратегических культур от сотрудничества или нейтралитета, к возможности применения против России военной силы. Определено, что милитаризованный внешнеполитический активизм объединённого Запада с американским авангардом носит не только прагматический, но и идеологический характер;

На примере немецкого аналитического центра «Немецкий институт международных отношений и безопасности» (SWP) показано наличие различных инструментов, с помощью которых в общественное сознание успешно внедряется иностранная стратегическая культура, изменяющая основные параметры национальной.

Уделено внимание процессу дальнейшего развития алгоритмов анализа конкурирующих стратегических субкультур. На примере австралийской стратегической культуры обозначена проблема возможности сосуществования в национальном государстве нескольких стратегических культур. Представлен экспресс-анализ российской стратегической культуры и её влияния на политику обеспечения национальной безопасности в интерпретации российских и западных экспертов.

Сделан вывод о том, что стратегическая культура играет определяющую роль в формировании стратегий национальной безопасности большинства государств и её влияние на формирование политики безопасности постепенно становится приоритетным исходным положением в современных исследованиях проблемы.

Ключевые слова: государственное управление, гибридная война, риски безопасности, столкновение цивилизаций, геополитическая стратегия, стратегические субкультуры, сравнительный анализ, милитаризм, суверенитет, международное право.

NATIONAL SECURITY AND STRATEGIC CULTURE

*Salnikov Viktor P.*¹*Musienko Tamara V.*^{2,3}*Lukin Vladimir N.*^{2,3}¹ Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom² St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev, St. Petersburg, Russia³ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

The article provides an express analysis of threats and risks to Russia's national security, as well as the place and role of the Anglo-Saxon strategic culture in this. An attempt has been made to define what is common and special in the strategic culture of the European Union, individual states of the North Atlantic Alliance, and their allies. A comparative analysis conducted in three aspects: attitude to the strategic environment, models of cooperation, strategic goals and means, revealed the possibility of forming a European strategic culture and further developing the EU's common policy in the field of unilateral security without taking into account the security of Russia and other countries of the world.

An attempt has been made to determine the prospects for a return to international relations on the basis of international law, rather than the «rules» established on the «law of force». The direct connection of the introduction of American strategic culture with the process of militarization of Europe and the rapid growth of aggression and Russophobia has been revealed.

It is proved that the unification of the strategic cultures of the EU countries under the influence of the Anglo-Saxon strategic culture led to a change in European national strategic cultures from cooperation or neutrality, to the possibility of using military force against Russia. It is determined that the militarized foreign policy activism of the united West with the American avant-garde is not only pragmatic, but also ideological in nature;

Using the example of the German analytical center «German Institute of International Relations and Security» (SWP), the presence of various tools is shown, with the help of which a foreign strategic culture is successfully introduced into the public consciousness, changing the main parameters of the national one.

Attention is paid to the process of further development of algorithms for analyzing competing strategic subcultures. Using the example of the Australian strategic culture, the problem of the possibility of coexistence of several strategic cultures in a national state is outlined.

An express analysis of the Russian strategic culture and its impact on national security policy as interpreted by Russian and Western experts is presented. It is concluded that strategic culture plays a decisive role in the formation of national security strategies of most states and its influence on the formation of security policy is gradually becoming a priority starting point in modern studies of the problem.

Keywords: governance, hybrid warfare, security risks, clash of civilizations, geopolitical strategy, strategic subcultures, comparative analysis, militarism, sovereignty, international law.

Введение

Современное военное противостояние между Российской Федерацией и условным Западом, который включает не только американские и европейские государства, но и такие восточные страны, как Южная Корея, Япония, почему-то объявляется «гибридной войной». Но эта война имеет все характерные черты мировой войны: по количеству государств, принимающих непосредственное или косвенное участие в боевых действиях, а также их материально-техническом обеспечении боевой техникой, вооружением, военными специалистами, подразделениями, сформированными из так называемых «наёмников», «добровольцев».

В числе таких государств – все члены НАТО, их союзники. Представители Министерства обороны США обозначают объединённую антироссийскую коалицию численностью до шестидесяти

стран, а в письме спикеру Палаты представителей и временному председателю Сената относительно отчета о военных полномочиях от 6 декабря 2024 года президент США сообщил и о «примерно 80 000 военнослужащих Вооруженных сил США», назначенных или развернутых в европейских странах НАТО, для «сдерживания дальнейшей российской агрессии» [1].

В ходе боевых действий уже применяются все существующие военные технологии, включающие и космические, все виды современного вооружения, кроме ядерного. В их числе гиперзвуковые, типа «Орешника». Украина объявила об использовании против России ракеты-дрона «Пекло». Г. Сметанин, министр стратегических отраслей промышленности Украины, заявил, что такая ракета-дрон способна поражать цели на расстоянии до 700 километров, развивая при этом скорость до 700 километров в час [2].

События последнего времени – действия противоборствующих сторон на европейском западном и ближневосточном театрах военных действий актуализировали и до опасного предела обострили проблему безопасности глобального, регионального и национального уровней.

Аналитическая часть

Коллектив отечественных учёных, в составе которых и авторы, исследуя теоретические и методологические аспекты безопасности, раскрыли особенности отдельных моделей управления рисками безопасности на разных её уровнях. Анализ существующих концепций и стратегий безопасности, сопоставление позиций отечественных и зарубежных исследователей позволили выявить общее и особенное, сходства и различия во взглядах на проблему, а также выявить тревожную тенденцию к обострению геополитической ситуации и возрастанию рисков и угроз безопасности [3, 4].

Одной из причин сложившейся ситуации является активное использование в западной военно-политической практике такого инструмента, как стратегическая культура, применение которой способствует формированию определенного типа идентичности в интересах политической элиты.

Отсюда очевидна необходимость России использовать необходимый набор инструментов государственного управления для успешного противостояния чрезвычайно активной, агрессивной, милитаристской по содержанию и русофобской по духу западной стратегической культуре [5-8].

Ситуация осложняется и полным пренебрежением объединённым Западом нормами международного права. Геополитические противники Российской Федерации заменили его «правилами», которые устанавливаются в одностороннем порядке такими, которые способствуют достижению их целей без учета интересов не только национальной, но и глобальной безопасности [9-13].

Подобный подход содержит в себе риски

уничтожения национального суверенитета и народа, и государства. А ещё почти две тысячи лет назад во времена Римской республики Марк Тулий Цицерон объяснял, что: «...государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» [14].

В.П. Сальников и С.И. Захарцев разработали авторскую комплексную теорию познания права [15-25] и на её основе вместе с В.И. Гасумяновым предприняли попытку определить основные тенденции развития права в текущем и следующем столетии. При этом они акцентировали внимание на суверенитете государства и личности, правовом обеспечении всех видов безопасности: государственной, общественной и личной [26].

Но перед российскими геополитическими противниками стоят другие цели и они предпринимают огромные усилия, включая финансовые, а также приёмы «ненасильственной борьбы» в соответствии с известной теорией Джина Шарпа [27].

Там, где состоялись так называемые «цветные революции», и народы, и государства теряли свой суверенитет. И Украина в этом ряду не первая и далеко не последняя. Показательными являются факты отказа Грузии от помощи Евросоюза, которая, как оказалось, не только ложится на бюджет республики тяжелым грузом возвращения долгов, но и является свидетельством потери Грузией национального суверенитета. Приостановка процесса вхождения в ЕС Западом тут же было использовано для попытки свержения неугодных ей грузинских политиков через организацию массовых беспорядков в Тбилиси.

Политическая «элитная» креатура, пестуемая зарубежными хозяевами государств, потерявших суверенитет, как правило представляет собой коррумпированных, продажных, нечистоплотных чиновников. Среди таких М. Саакашвили, отбывающий срок уголовного наказания за такие преступления, что даже правящая созданная им

партия «Грузинская мечта» не решается его выпустить на свободу. В Румынии – скандал с фальсифицированными результатами декабрьских выборов 2024 года.

Верно утверждение Джавахарлала Неру о том, что нет страшнее и опаснее для собственного народа врага, чем интеллигенция, взращённая колонизаторами.

Н.Я. Данилевский полторы сотни лет назад считал, что «...государство есть высшее проявление закона правды и справедливости на земле» и, обосновывая важность политической самостоятельности, независимости, утверждал: «Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развивалась без политической самостоятельности».

Наш великий русский учёный заявлял, что «в мире человечества, кроме положительно-деятельных культурных типов, или самобытных цивилизаций». Он выделял «отрицательных деятелей человечества» и племена, которые «... составляют лишь этнографический материал» [28, С. 211, 116, 174].

Образование государства является предпосылкой формирования цивилизационной идентификации социальной общности, созидания из «этнографического материала» локальных цивилизаций.

В фундаментальном научном труде «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» Данилевским была сформулирована идея столкновения цивилизаций, через почти сто двадцать лет совершенно незаслуженно приписанная американцу Хантингтону.

Советская цивилизация не устояла в таком столкновении с англосаксонской, в том числе и по причине эффективного использования Западом такого инструмента, как стратегическая культура.

По мнению Е.А. Ходаковского «...недооценка и фактическое игнорирование гецивилизационного уровня интеграционных отношений привели к поэтапному расколу и развалу блока социалистических стран и Советского Союза» [29, С. 10].

Советская хроника развала СССР и становление новой России, обобщенная В.В. Матвеевым и М.П. Комаровым даёт ясное представление о значении западной стратегической культуры в этих процессах [30].

Осуществленное Л.Г. Ивашовым фундаментальное научное исследование геополитики русской цивилизации и переживаемой в настоящее время геополитической драмы России подтверждает реальную угрозу суверенитету российского народа и государства и даёт реальное представление о том, к чему может привести недооценка идеологической составляющей в подобном столкновении цивилизаций [31- 33].

В поисках выхода из геополитического кризиса отечественная политическая элита пытается реанимировать, вдохнуть новую жизнь в евразийскую идею. И эти попытки уже стали предметом научного изучения (см., например, [34-41]).

Но и такое изменение вектора глобальной геополитики несёт в себе новые угрозы, имеет свои риски, экспресс-анализ которых представлен в предыдущей статье нашего журнала. А несколько лет назад завершилось исследование состояния региональной безопасности от Южной Азии до Северной Африки. Учёные пришли к выводу о наличии здесь «Евразийской дуги нестабильности» [42].

Очередная война Израиля с соседними странами, события в Сирии – только отдельные элементы этой «дуги».

Все эти обстоятельства последнего десятилетия создают вызовы, угрозы и риски личной безопасности людей на планете. Особую опасность представляют угрозы суверенитету российского государства [43- 46].

Стратегическая культура зарубежных стран: общее и особенное

Всё это приобретает глобальные масштабы в условиях, в частности, применения оружия массового поражения (далее – ОМП). Его реальное применение и всё более реальная возможность использования ядерного оружия, на что англосаксы и преступные руководители европейских

стран своими действиями провоцируют Россию, оказывают сильное влияние на принятие стратегических решений.

Новая ситуация на фоне расширяющихся боевых действий также становятся предметом исследования ученых.

Джеффри С. Лантис (Jeffrey S. Lantis) и Дэррил Хьюлетт (Darryl Howlett) делают акцент на выявлении того, как реальные события влияют на культурно значимые тенденции стратегических решений и в таких областях, как ОМП, а также на выявлении конкурирующих нарративов внутри самих стран, с тем чтобы проанализировать, как они формируют поведение политических акторов [47].

Это связывается и с тем, что одновременно возможно присутствие нескольких стратегических культур. В качестве примера возможно рассматривать Европейский Союз, в котором предпринимаются попытки формирования наднациональной, европейской стратегической культуры при сохранении отдельных элементов национальных стратегических культур в таких странах, как Великобритания (до Brexit), Польша, Венгрия, Греция и других.

Применительно к Европейскому Союзу Свен Бископ (Sven Biscop), основываясь на определении, данном Снайдером и усовершенствованном К.Грэм (Gray C.S.) [см. 48], формулирует стратегическую культуру как «сумму идей, условных рефлексов и привычных образцов поведения, которые члены (стратегического сообщества) приобрели через инструкции или путем подражания, и которыми они делятся друг с другом при ее (стратегии) разработке и реализации» [49, С. 111].

Стратегическая культура ЕС наслаивается на национальные и они влияют друг на друга. Через ежегодные курсы для высших должностных лиц и многочисленные ориентировочные курсы Европейский колледж безопасности и обороны активно распространяет стратегическую культуру ЕС среди лиц, влияющих на формирование политики государств-членов ЕС.

И не только этих стран. Стратегическая культура ЕС активно внедряется среди граждан пост-

советского пространства.

О контингенте курсов, уровне подготовки и результатах можно судить по материалам, опубликованным в украинской печати неким А. Литвиненко, прошедшем обучение в этом колледже. В его представлении «механизмы формирования стратегической культуры состоят из институциональной памяти, образования и книг». Украинец также дает характеристику современной украинской стратегической культуры: «Надо массово учить английский язык. Смотреть BBC (Би-Би-Си) вместо ОРТ – это дало бы уникальный прорыв в этом направлении. Надо строить нормальное государство. Нужны спецслужбы, армия». И коротко, и ясно [50].

В то время, как большая часть ученых исследуют стратегическую культуру конкретных национальных государств, другие исследователи изучают вопрос о том, может ли целостная стратегическая культура существовать среди негосударственных субъектов (например, запрещенного в России ИГИЛ), или среди наднациональных субъектов (например, Организации Североатлантического договора или Европейского союза) [51].

Проблема формирования наднациональной европейской стратегической культуры и европейской идентичности как основы европейского культурного национализма акцентирована авторами в более ранних работах [см., напр., 52, 53].

Эта проблема давно привлекает внимание европейских аналитиков. Так Питер Шмидт и Бенджамин Зайла (Peter Schmidt, Benjamin Zyla) задаются вопросом является ли политика Европы в области безопасности свидетельством реальной европейской стратегической культуры и приходят к выводу, что стратегическая культура как аналитический инструмент и фактор влияет на стратегические цели и поведение Европы.

Авторами фиксируется растущее участие Европейского Союза, как им представляется, в урегулировании кризисов и стабилизации обстановки в ближних и дальних странах как результата вступления в силу Лиссабонского договора.

В то же время соответствующая политика

рассматривается П. Шмидтом и Б. Зайла с позиций концепции стратегической культуры и оценивается ее применение в различных обстоятельствах, в частности в операциях в Африке и на Балканах, включая совместные операции с НАТО и Организацией Объединенных Наций.

Авторы считают, что стратегическая культура является полезным инструментом для понимания деятельности ЕС не в смысле ее трактовки как фактора мотивации, а как совокупности предпочтений и ограничений, закрепленных в европейской нормативной базе. Классические представления о стратегической культуре должны быть адаптированы, полагают европейские эксперты, к целям и задачам исследования специфической эволюции стратегической культуры Европы. П. Шмидт и Б. Зайла подчеркивают, что стратегическая культура имеет решающее значение для амбиций Европы как глобального игрока и приходят к выводу, что если Европе не удастся сформировать общую стратегическую культуру, ее амбиции и нормативная база, лежащие в ее основе, «рухнут» [54].

Что собственно, на наш взгляд, в действительности и произошло в наши дни, а укрепление в Европе лишь внешне общей, но по сути унифицированной стратегической культуры сателлита США, подтверждает прогнозный сценарий экспертов о возможном крахе амбиций ЕС.

Дискуссия о наличии или отсутствии у ЕС собственной стратегической культуры продолжается и в контексте эволюции стратегических документов Европейского Союза, рассмотренных в свете развития Общей внешней политики и политики безопасности (ОПБО) и интегрированной в нее Европейской политики безопасности и обороны (Common Security and Defense Policy).

Так, Даниэль Берчев (Daniel Berchev) актуализирует задачу использования концепции стратегической культуры для понимания динамики формирования стратегического мышления и культуры в Европейском Союзе [55].

Вопрос о том, формируется ли европейская стратегическая культура, стал широко обсуждаться на фоне устремленности европейских элит

к укреплению европейского оборонного сотрудничества.

Рассматривая сближение между государствами-членами ЕС в качестве ключа, который откроет путь к европейской стратегической культуре, Сюэ Ми (Хуэ Ми) ставит своей задачей определить характер взаимодействия тенденций к ковергенции или дивергенции национальных стратегических субкультур стран-членов ЕС.

Сюэ Ми проводит сравнительный анализ трех национальных стратегических культур (Германии, Польши и Ирландии) в отношении восприятия ими важнейших аспектов стратегической культуры с целью определения в каких аспектах они сходятся, а в каких расходятся.

Компаративный анализ проведен в трех аспектах: отношении к стратегической среде, моделям сотрудничества, стратегическим целям и средствам. По результатам компьютерного анализа содержания стратегических документов и официальных выступлений представителей национальных политических элит трех исследуемых европейских стран за период с 2000 по 2020 год, выявлено:

- сохранение расхождений (дивергенция) в стратегических целях и средствах,
  - схожесть (конвергенция) в восприятии стратегической среды
  - сбалансированность расхождений в предпочтениях относительно моделей сотрудничества
- сходством позиции в принятии ЕС как законной и реальной платформы для сотрудничества в области обороны и безопасности.

Эти результаты оцениваются Сюэ Ми как свидетельствующие о том, что перспективы формирования европейской стратегической культуры и дальнейшего развития общей политики ЕС в области безопасности и обороны являются одновременно и сложными, и возможными [56].

Экспертами также актуализируется вопрос о целенаправленном формировании или развитии общей стратегической культуры в Европе, что по мнению Сильвен Пэйл-Кальво (Sylvain Paile-Calvo), в частности, должно быть определено ЕС как четкая политическая цель [57].

В то же время сохраняет влияние поддерживаемая извне тенденция к унификации стратегических культур стран Европейского Союза. Подтверждением этому служит изменение стратегических культур нейтралитета, завершившееся вступлением ряда нейтральных стран Европы в НАТО и фактическим их участием в военной и финансовой поддержке Украины в военном конфликте.

Практика нейтральных государств представляет собой, подчеркивает Станислав Стоянович (Stanislav Stojanović), важное проявление современной стратегической культуры как особого отношения к военной силе и ее применению, особенно когда речь идет о Европе.

Нейтралитет, несмотря на многочисленные вызовы, постоянно оказывается очень динамичной и адаптируемой концепцией.

С. Стоянович считает, что сегодня нейтралитет был радикально изменен в некоторых аспектах, и он больше не определяется в значительной степени, среди прочего, изоляцией, а развивается в направлении подчеркнутого международного участия.

Отказ от основных постулатов нейтралитета или их существенное переосмысление породили серьезные проблемы, ставящие под сомнение важность нейтралитета, подлинность и масштаб стратегической культуры нейтральных государств. Вот почему, подчеркивает С. Стоянович, ценностное содержание нейтралитета стало считаться спорным, так что для одних эта концепция устарела, в то время как другие считают, что она все еще может способствовать укреплению мира и стабильности во всем мире.

Однако, несмотря на радикальные изменения, нейтралитет никуда не исчез и по-прежнему представляет собой концепцию, которая является важным сегментом международной политики. Возрождение реальной политики в международных отношениях в последние годы, а также вызовы, связанные с многополярной концепцией международных отношений, приводят к выводу исследователь, представляют собой важные стимулы для легитимности выбора нейтралитета

и утверждения стратегической культуры, которая поддерживает ценностные постулаты нейтралитета [58].

Исследуются и вопросы формирования в странах Европы стратегических культур милитаризованного активизма.

На основе качественного контент-анализа внешнеполитических стратегий Дании Никита Белухин, Владислав Воротников, Светлана Дианина (Nikita E. Belukhin, Vladislav V. Vorotnikov, Svetlana Y. Dianina) выявляют тенденции «суператлантизма» в современной стратегической культуре Дании, определив их тесную связь с характерным для датской ментальности восприятием США как гаранта либерального мирового порядка и связанных с ним многосторонних институтов.

Таким образом, ориентированный на ценности милитаризованный внешнеполитический активизм Дании в эпоху после окончания холодной войны носит, по мнению исследователей не только прагматический, но и идеологический характер, поскольку направлен на продвижение либеральных ценностей под американским руководством.

Одним из ключевых мотивов применения военной силы во внешней политике Дании, отмечают исследователи, было стремление развивать особые отношения с Соединенными Штатами и добиться статуса привилегированного союзника. Исходной посылкой такого устремления стала установка на то, что этот статус подтвердил бы гарантии национальной безопасности Дании, предоставил бы стране возможность оказывать особое влияние на принятие решений и формирование повестки дня в НАТО, ЕС и трансатлантическом сотрудничестве.

Н. Белухин, В. Воротников, С. Дианина приходят к выводу о том, что учет статуса и репутации в исследованиях стратегической культуры может дополнить объяснения формирования сообщества безопасности, стратегий альянсов и динамики отношений внутри различных типов альянсов [59].

Внутри собственно национальных страте-

гических культур могут формироваться особые субкультуры. Так Иван Лашкарев и Даниил Паренков рассматривают, как неэкспансионистские типы стратегической культуры возникли и постепенно развивались в Польше [60].

Вместе с тем с помощью концепта стратегической культуры И.Д. Лошкарёв рассматривает проблему оценки и интерпретации экспансионистских элементов в политических действиях Польши на международной арене.

Выясняя, какие экспансионистские типы стратегической культуры сформировались в Польше, автор выявляет исторически сформировавшиеся особенности польской экспансионистской стратегической культуры:

Во-первых, несмотря на неоднократные военные поражения, польское государство практически не приняло комплекс идей, связанных с культурой «осажденной крепости».

Во-вторых, даже культура ограниченной силовой политики в Польше приобрела некоторые особенности, а именно – повышенную склонность к риску и увлечение демонстрационными силовыми акциями [61].

Анализ условий и факторов, формирующих польскую стратегическую культуру, и роли в этом стратегии национальной безопасности Польши, проводит Станислав Заробный (Stanisław Zarobny).

Оценивая польскую стратегическую культуру с акцентом на восприятие роли вооруженных сил в ней, Заробный обосновывает вывод о том, что польская стратегическая культура формируется под влиянием прежде всего таких факторов, как исторический опыт и идеологические установки [62, 63].

Исторически сложившиеся стереотипы и идеологические установки определяют преобладание в стратегической культуре Польши. Это подтверждают данные исследований польских специалистов. Анализируя недавно разработанную и утвержденную польским правительством Стратегию национальной безопасности, Кристофер Ривз (Christopher Reeves) предпринимает попытку выявить общие черты польской стратегической

культуры. К. Ривзом использованы методологические инструменты, основанные на подходе «четвертого поколения» к концепции стратегической культуры, согласно которому в стратегических сообществах нередко сосуществуют конкурирующие субкультуры, что со временем может привести к резким изменениям в политике государства в области безопасности.

Аналитиком проведен сравнительный анализ влияния конфликтующих субкультур на внешнюю политику Польши в прошлом и основных установок представителей сегодняшней польской элиты, принимающих решения и находящих отражение в современной стратегической культуре.

Опираясь на результаты проведенного анализа, К. Ривз в целом подтверждает, что в политике Польши в области безопасности сохраняется очевидная преемственность, особенно в том, что касается Российской Федерации, которая рассматривается как враждебное государство, а также в какой степени НАТО и ЕС способствуют укреплению безопасности Польши. К. Ривз обращает внимание и на то, что в последние годы также можно наблюдать более незначительные сдвиги в стратегической культуре и политике безопасности Польши, такие как новый акцент на территориальную оборону и готовность присоединиться к государствам, которые относительно враждебно настроены по отношению к ЕС [64].

Исторический опыт и трансформация идеологических воззрений как фактор изменения стратегической культуры в фокусе исследования Златана Еремича (Zlatan Jeremić) и проведенного им анализа изменений стратегической культуры Венгрии под влиянием глобальных сдвигов на международной политической арене и в сфере безопасности.

Процесс вестернизации и европеизации в условиях глобальной перестройки отношений в мире привел к смене внешнеполитических и внутривнутриполитических парадигм и за последнее десятилетие выдвинул на первый план национальные интересы.

В таком контексте анализ стратегической культуры Венгрии рассматривается Златаном Еремичем

с точки зрения культурно-исторического взгляда на международную политику неореалистов с учетом национального культурно-исторического измерения.

С целью определения закономерностей изменений в стратегической культуре Венгрии на уровне изменения формулировок в области политики безопасности исследователем проведен анализ стратегических документов Венгрии по политике безопасности. В качестве центрального элемента изменений в стратегической культуре З. Еремич определяет позицию относительно роли вооруженных сил в обеспечении безопасности [65].

Изучается и роль такого фактора изменения национальной стратегической культуры, как влияние различных аналитических центров на формирование общественного мнения и установок политической элиты в отношении аспектов стратегической культуры, связанных с безопасностью.

Марина Глейзер и А. Поляченко (Marina Glaser, A. Polyachenko) рассматривают влияние немецкого аналитического центра «Немецкий институт международных отношений и безопасности» (SWP) на общественное мнение Германии и, как следствие, на основные параметры стратегической культуры страны.

Исследователи приходят к выводу, что ключевой задачей экспертов аналитического центра является продвижение идеи о необходимости трансформации прежних принципов стратегической культуры Германии в направлении формирования стратегической культуры военно-политического активизма. Цель формулируется как необходимость корректировки политики Германии в соответствии с новыми мировыми реалиями, чтобы страна могла эффективно взаимодействовать с другими государствами в военно-политической сфере.

Авторы подчеркивают активность экспертов SWP в средствах массовой информации по вопросам, касающимся украинского кризиса и роли нем Германии. Они требуют от Германии большей инициативы и отказа от существующих барьеров и ограничений.

Аналитический центр сосредоточен на изучении основных принципов стратегической культуры Германии и акцентирует внимание на следующих наблюдениях:

- из-за наследия прошлого Германия продолжает избегать активного участия в урегулировании военных конфликтов,
- для современной Германии неприемлемо ставить интересы собственной национальной безопасности выше интересов союзников.

В связи с этим, отмечают М. Глейзер и А. Поляченко, решение задачи восстановления обороноспособности страны и превращения бундесвера в эффективную современную армию трактуется экспертами аналитического центра скорее как необходимость перехода от стратегической культуры государственного пацифизма к идеологемам справедливой войны, чем как процесс милитаризации.

Избегая прямой критики стратегической культуры, эксперты центра сосредоточены на продвижении идеи о значимости военной силы как важного фактора в международных отношениях и призывают Германию к более активным действиям, исходя из того, что используя ее, Берлин будет более эффективно выполнять свои обязательства по обеспечению национальной и региональной безопасности.

Представляется невозможным, полагают М. Глейзер и А. Поляченко, однозначно судить о том, оказывают ли эксперты аналитического центра решающее влияние на политические решения, но они определенно принимают реальное участие в формировании общественного мнения об изменении военно-политической роли Германии в мире, поэтому важность такой экспертизы, подчеркивают исследователи, не следует игнорировать [66].

Получили дальнейшее развитие алгоритмы анализа конкурирующих стратегических субкультур проработаны в свое время Алексом Бернсом и Беном Элтамом. Оценивая дискуссию о возможностях подхода к анализу стратегической культуры четвертого поколения применительно к региональному контексту, исследователи

выявили противоречие между национальной стратегической культурой и стратегическими субкультурами действующих в стране институтов и организаций. Это противоречие лежит в основе дебатов относительно предпочтительного курса австралийской военной политики и политики безопасности.

Авторы отмечают, что австралийский реализм носит во многом вестфальский характер и ориентирован на баланс сил, что приводит к необходимости в значительной степени полагаться на альянсы для уравнивания возникающих угроз. Это влияет на то, какие риски, угрозы и возможности являются приоритетными.

Несмотря на центральную роль австралийско-американского альянса, исследователи приходят к выводу, что Австралия развила три различные современные традиции оборонного мышления.

Во-первых, континентальная школа сосредоточена на защите суверенитета. У Австралии были глубокие колониалистские, имперские истоки, уходящие корнями в империю и геополитику XIX века, которые по сути сформировали континентальную школу. Эта школа опиралась на стратегическую культуру и влияние Великобритании: институциональную передачу технологий, Военную академию Австралии, созданную по образцу Сандхерстской и концепцию военно-морской мощи, разработанную под влиянием Мэхана. Весь этот комплекс играет ключевую роль в организации защиты воздушного и морского сообщения Австралии с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Во-вторых, школа передовой обороны фокусируется на экспедиционных силах, которые поддерживали дружественные Австралии страны. Стратегии передовой оборонной политики часто предусматривают участие в операциях по иностранному военному вмешательству и выступают за создание совместных десантных сил и средств, которые позволили бы Австралии использовать экспедиционные силы. В рамках такого подхода передовая оборона рассматривается как антикоммунистическая стратегия сдерживания, свя-

занная с потенциальным влиянием Китая и ранее Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В-третьих, школа самообороны, которая делает упор на парадигму «глубокой обороны», предполагающую действия по уровню угрозы в зоне прямых военных интересов Австралии.

Хотя все три фактора со временем стали определяющими в формировании внешней политики Австралии, в последние десятилетия национальная стратегическая культура Австралии претерпела динамичные изменения, в результате которых старые взгляды на континентальную и передовую оборону были адаптированы к самостоятельности и новым угрозам безопасности.

Реализм и концепция общей стратегии предполагают первые два подхода к пониманию политики Австралии в области безопасности. В третьем случае политика Австралии характеризуется ослаблением позиций континентальной и передовой оборонных школ.

Между тем, колебания, связанные с выбором между тем или иным подходом, способствуют разработке многосторонних соглашений и деклараций на региональной основе между Австралией, Японией и Соединенными Штатами.

Бернс и Элтам продвигают многоуровневый микрополитический по сути подход к стратегической культуре, который ближе к анализу внешней политики и ее истокам в политической психологии. Исследователи фиксируют существование нескольких конкурирующих стратегических субкультур, определяющих изменения мышления в области обороны и национальной безопасности [см. 67].

Носителями субкультур предстают:

- исполнительная власть;
- Нижняя палата представителей как ветвь законодательной власти;
- Министерство иностранных дел и торговли;
- Министерство обороны;
- военно-политические элиты, играющие важную роль в развитии и поддержании идеологических структур, обеспечивающие основы концептуальной и институциональной логики по разработке

политики национальной безопасности Австралии, а также обучение австралийских государственных чиновников навыкам мышления в области национальной безопасности, анализа проблем и принятия политических решений;

- университетские программы, предусматривающие обучение критическим, конструктивистским взглядам и взглядам на международную безопасность и формирование на этой основе кадрового потенциала за счет новых австралийских стратегов;

- две основные политические партии Австралии: левоцентристская социал-демократическая Австралийская лейбористская партия и правоцентристская либеральная Партия свободного рынка;

- другие политические партии.

Обобщая взгляды таких представителей четвертой волны теории стратегической культуры, как Майкл Эванс (Michael Evans), Дэвид Маккроу (David McCraw), Джеффри Лантис и Эндрю Чарлтон (Andrew A. Charlton), Алан Блумфилд (Alan Bloomfield), Бернс и Элтам выделяют особенности исследуемой региональной стратегической культуры и ее влияния на выработку политики безопасности:

- влияние в ретроспективе на стратегическую культуру и политику безопасности культурной изоляции и островной географии,

- либерально-демократические ценности Австралии как источник ее стратегической культуры (Майкл Эванс),

- стратегическая ориентация Австралии на Азиатско-Тихоокеанский регион и отличие ее стратегической культуры от стратегических культур региональных союзников, в частности Новой Зеландии (Дэвид Маккроу),

- сложные стратегические субкультуры, сформированные структурами альянсов США и Великобритании и существование нескольких конкурирующих стратегических субкультур (Джеффри Лантис и Эндрю Чарлтон).

- значимость роли, которую конкурирующие стратегические субкультуры могут играть в разработке оборонной политики и стратегического планирования (Алан Блумфилд).

Идея Аластера Иэна Джонстона о том, что

в национальном государстве могут сосуществовать несколько стратегических культур, получила развитие в работах Майкла Эванса, который предполагает, что две конкурирующие стратегические субкультуры формируют политику Австралии в области обороны и национальной безопасности: «защитники-регионалисты», сконцентрированные на Китае и региональном балансе сил, и «глобалисты-реформаторы», которые сосредоточены на глобальных сетях и военно-политическом взаимодействии.

Следуя этой логике, Бернс и Элтам рассматривают различные стратегические субкультуры в качестве факторов, сдерживающих разработку в Австралии политики в области безопасности.

Стратегические субкультуры, приходят к выводу исследователи, способствуют разделению, ограничениям и бюрократической замкнутости, которые сужают национальные представления об угрозах и возможностях безопасности и препятствуют формированию согласованной внешней и оборонной политики в отношении государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

Исследование Бернса и Элтама показывает, что влияние особой национальной стратегической культуры и организационных стратегических субкультур не ограничивается конкретными правительствами, что накладывает потенциальные ограничения на взаимодействие Австралии с другими стратегическими культурами Азиатско-Тихоокеанского региона [68].

Джеффри С. Лантис (Jeffrey S Lantis) акцентирует внимание на культурологическом повороте в исследованиях безопасности, в том числе на исследовании стратегической культуры и политики безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Концепция стратегической культуры в определенной мере бросает вызов преобладающим неореалистическим представлениям о регионе, отмечает Д. Лантис, но служит связующим звеном между материальными и идеологическими объяснениями поведения государств и помогает нивелировать противоречие между неоклассическим реалистическим и конструктивистским подходами.

Тематические исследования, рассматривающие роль стратегической культуры в поведении Австралии, Китая, Японии, Филиппин, Южной Кореи и Соединенных Штатов, основанные на концепции стратегической культуры, демонстрируют, подчеркивает Д. Лантис, контраст между стратегическим планированием и культурными предпосылками реализации стратегий обеспечения безопасности. Концепция стратегической культуры позволяет объяснить противоречие, указывая на то, что реалистичные угрозы и возможности геополитической безопасности взаимодействуют с национальной элитой и популярной интерпретацией исторических нарративов и отличительных военно-политических культур, оказывая влияние на политику безопасности.

Особое внимание Д. Лантис уделяет методологическим вопросам, лежащим в основе стратегических культурологических исследований, а также тому, как культура может повлиять на потенциал будущих конфликтов или потенциал сотрудничества в регионе.

Результатом, считает Лантис, должно стать понимание стратегических культур стран региона в сравнительной перспективе, что обогатит исследования в области безопасности. Вопрос актуализирован тем, что по мере обострения споров из-за территорий и ресурсов, по мере развития региональных вооруженных сил и корректировки лидерами своих стратегических расчетов и оборонных обязательств проявляется взаимосвязь культуры и политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе [69].

Тезис о влиянии стратегической культуры на формирование политики безопасности постепенно становится приоритетным исходным положением в современных исследованиях проблемы.

Стратегическая культура, подчеркивает Дмитрий Адамский (Dmitry Adamsky), формирует концепции национальной безопасности, военные доктрины, организационные структуры вооруженных сил, системы вооружений, стили ведения войны и почти все другие аспекты оборонной политики и стратегического поведения государства.

Парадигма стратегической культуры была, замечает Д. Адамский, разработана для изучения того, как различные культуры – национальная культура, военная культура и организационная культура ключевых институтов – сосуществуют в сообществах безопасности.

Тем не менее, по мнению исследователя, множество определений этого понятия свидетельствуют о том, что по-прежнему определить стратегическую культуру на систематической основе непросто, и также трудно выделить ее влияние на национальную стратегию [51].

Стратегическая культура определяется также и как инструмент, который может помочь лучше понять реальную культурную самобытность конкретного субъекта (страны или организации) и его роль в системе международных отношений. Адриан Витория и Мариан Козуб (Adrian Vitoria, Marian Kozub) считают, что такой аналитический инструмент может способствовать лучшему пониманию политики безопасности и, более того, анализ стратегической культуры может привести к лучшему пониманию стратегического поведения противника на основе того, как противник определяет победу, поражение, потери или страдания [70].

Российская стратегическая культура в интерпретации российских и западных экспертов

Пристальное внимание уделяется анализу стратегической культуры России и ее влияния на политику обеспечения национальной безопасности.

Анализируются категории мышления, лежащие в основе принятия стратегических решений и военных операций в России, раскрывается их природа, развитие и взаимодействие.

Встречаются относительно взвешенные аналитические разработки. К таким работам можно отнести исследование Николо Фасола (Nicolo Fasola), предложившего оригинальную модель стратегической культуры, которую автор использует как концептуальную основу для изучения российских первоисточников и военной практики в период с 2008 по 2018 год с целью определения конечных принципов, лежащих

в основе российской стратегической культуры как основы политики обеспечения безопасности и российского способа ведения войны.

Особенность авторской концепции – в дополнении общепринятой концепции стратегической культуры, принятой в качестве научной основы, таким компонентом, как ключевые социокультурные предпосылки, лежащие в основе предпочтений России в сферах политики безопасности и военной практики.

Безусловно, основанием и этого исследования является стремление создать прочную платформу для формирования ожиданий относительно действий Москвы и разработки стратегий противодействия им, в том числе в контексте нынешнего конфликта на Украине.

Н. Фасола отмечает, что этот анализ подвержен двум ограничениям.

Во-первых, из-за того, что выбор России трактуется произвольно, и по сути эта трактовка навязывается в рамках заранее разработанной логики. В осмыслении этого выбора не учитываются специфические предположения и интеллектуальные нюансы, лежащие в основе стратегий России.

Во-вторых, чрезмерное увлечение модными терминами, такими как «гибридность», привело к искажению понимания методов работы российских Вооруженных Сил, их истинного характера и четкой последовательности.

Рассматривая эти ограничения, Н. Фасола подчеркивает влияние стратегической культуры на российский подход к стратегии и ведению войны [71].

Для выявления специфики российской стратегической культуры отечественные исследователи обращаются к ценностным и культурно-историческим особенностям России как факторам ее формирования и развития.

Такого подхода придерживается К.И. Кожухова, выделяя на основе обобщения взглядов российских ученых в качестве основы стратегической культуры России такие ценностно-исторические постулаты, как:

- справедливость;
- государствоцентричность;

– идеократический акцент имперской идеи [72-74].

Акцент на роли исторического фактора генезиса российской стратегической культуры с концентрацией внимания на одном из ключевых его аспектов, а именно изменении взглядов высших политических элит, в первую очередь лидеров страны, нашел отражение в исследовании А.А. Вершинина и А.А. Кривопалова.

Историки предлагают критически переосмыслить отечественную традицию централизации политических решений как характерную особенность российской стратегической культуры, которая, как предполагают авторы, неоднократно препятствовала непредвзятому анализу, следствием чего являлись тяжелые кризисы, подчас представлявшие экзистенциальную угрозу стране.

Тезис авторов, согласно которому ахиллесова пята стратегии российских элит XX века – стремление к её упрощению, подчинению собственно стратегического целеполагания политическому, в плане исторической ретроспективы заслуживает внимания и может быть предметом обсуждения.

Вместе с тем представляется дискуссионным и положение о негативных последствиях, связанных с традицией централизации принятия политических решений. Угрозами для России, на наш взгляд, чаще всего были риски децентрализации в политике и управлении. С учетом географического фактора, геополитических реалий и национальных интересов России, прежде всего в сфере укрепления суверенитета, оптимален, по нашему мнению, скорее баланс обеих тенденций с приоритетом принципа централизации [75].

Российские ученые Т.А. Алексеева, В.К. Белозёров, внесшие весомый вклад в теоретическую разработку российской стратегической культуры, правомерно актуализируют необходимость дальнейших исследований в рамках применения этого аналитического инструмента в изучении проблем безопасности [76].

В.К. Белозёров подчеркивает, что концепция стратегической культуры обладает значительным познавательным потенциалом для изучения политического курса основных игроков современного

мира. Однако, в России исследование данного феномена отличается противоречивостью и многозначностью, что имеет, предупреждает ученый, дезориентирующие последствия и затрудняет использование понятия для идентификации политических явлений и процессов.

Демонстрируя свое авторское видение стратегии, В.К. Белозёров раскрывает, каким образом происходит детерминация стратегической культуры историческим прошлым нации, в том числе ее военным опытом.

Исходным положением здесь выступает посылка, согласно которой посредством понятия «стратегическая культура» обозначается зависимость политического поведения субъекта от восприятия им своей безопасности. Такое восприятие во многом детерминировано историческим опытом применения военной силы и отношения к ней, а сама стратегическая культура на практике выражается в предпочтениях при выборе способов и средств реагирования субъекта на изменения среды безопасности.

Учитывая, что стратегическая культура недостаточно изучена в среде российской научной общественности, ученый акцентирует внимание на том, что понимание стратегической культуры требует анализа восприятия ценностных смыслов, символов и мотивов политических игроков, что обуславливает особые требования к выбору методологии и методов исследования.

Изучение стратегической культуры, указывает в этой связи В.К. Белозёров, предполагает комплексное использование таких прикладных методов, как дискурс-анализ и контент-анализ, кросс-культурный, семантический и семиотический анализ, изучение документов, анализ результатов деятельности [77].

Собственно, методология сравнительных исследований, системного подхода, использование методов и инструментов междисциплинарных исследований в сочетании с конкретными прикладными методами способны обеспечить накопление совокупного научного знания в этой области, достаточного для дальнейшего развития теории стратегической культуры.

Актуальность формирования российской научной школы стратегической культуры в условиях радикальной трансформации международных отношений, появления новых видов конфликтов отмечает и А.А. Бартош. Важным фактором хаотизации международной обстановки военный эксперт рассматривает курс США на глобальное доминирование с использованием военного и экономического потенциалов консолидированного Запада и реализацию единой стратегии «гибридной войны», которая целенаправленно ведется против конкурентов США и Запада в целом.

С учетом роста влияния культурно-цивилизационного фактора противостояния России и Запада ученый видит необходимость в проведении научно обоснованной аналитической работы по прогнозированию военно-политической обстановки, оценке ресурсов и планированию действий в современных военно-политических ситуациях.

Разработанная автором матрица стратегической культуры служит основой для создания интегрированной информационной среды, охватывающей военно-стратегические, экономические, информационные возможности государства. Авторская модель стратегической культуры разработана с учетом принципов системного подхода и включает в себя в компактной форме группы объективных и субъективных геополитических факторов, формирующих стратегическую культуру в виде элементов «матрицы стратегической культуры».

Использование концепции стратегической культуры как инструмента военно-политического анализа строится на учете слабых и сильных сторон каждого геополитического фактора собственного государства и государства-соперника, союзника или партнера, подчеркивает военный аналитик.

Разделяя позицию автора, отметим, что представленный нами аналитический обзор подтверждает, что полностью оправдывается прогноз и сохраняет свою актуальность вывод о том, что важным стимулом для углубленного изучения политики ведущих государств Запада является

усиление военных приготовлений США и НАТО против России, что находит отражение в трансформации их стратегических культур в сторону большей агрессивности, милитаризации и консолидации на антироссийской основе [78].

Заключение

В ряду вызовов, угроз и рисков национальной безопасности России одно из центральных мест занимает англосаксонская стратегическая культура и её разновидность – унифицированная европейская, главное содержание которых – милитаризм, шовинизм, агрессия и русофобия.

Стратегическая культура играет определяющую роль в формировании стратегий национальной безопасности большинства государств, военных доктрин, влияет на организационные структуры вооруженных сил, системы вооружений, стили ведения войны и все другие аспекты оборонной политики и стратегического поведения государства.

Формирование и современное состояние европейской стратегической культуры, унифицированной под англосаксонскую, способствует стиранию особенностей национальных стратегических культур стран ЕС и ликвидации национальных суверенитетов на европейском ареале Евразии.

Это приводит к дальнейшему развитию общей политики ЕС и блока НАТО в целом в область обеспечения односторонней региональной и глобальной безопасности без учёта безопасности России и других стран планеты.

Перспективы возвращения к международным отношениям на основе международного права, а не «правил», установленных на «праве силы» неочевидны и это приближает мир к глобальной катастрофе по мере обострения ситуации в противостоянии глобальных акторов в очередной мировой войне.

Милитаризованный внешнеполитический активизм объединённого Запада с американским авангардом носит не только прагматический, но и идеологический характер, что дает основание заключить, если не о тождестве, то о близости понятий «стратегическая культура» и «идеология».

В арсенале стратегической культуры наличие разнообразных сил, средств и инструментов, с помощью которых в общественное сознание эффективно внедряется такое восприятие мира, которое выгодно политическим элитам, и позволяет иностранной англосаксонской стратегической культуре успешно, изменять основные параметры национальной.

Влияние стратегической культуры на формирование политики безопасности постепенно становится приоритетным исходным положением в современных исследованиях проблемы.

Для успешного противодействия англосаксонской стратегической культуре в пределах Российской Федерации следует использовать опыт применения мощного арсенала советской идеологии с учетом современных реалий.

Список литературы

1. Letter to the Speaker of the House and President Pro Tempore of the Senate Regarding the War Powers Report URL.: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/12/06/letter-to-the-> (дата обращения: 07.10.2024).
2. «Украинское оружие, которое уже имеет подтверждённое боевое применение», – заявил Зеленский. URL.: <https://fedpress.ru/news/ukraine/policy/3352390> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Артамонов В.С., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., Артамонова Г.К., Малый И.А. Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты. Монография / Под ред. В.С. Артамонова. (Серия: Российская Арктика. Вып.1). 2 изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 2019. – 268 с.
4. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / под ред. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – DOI 10.12737/2127021. – EDN AKWZPE.
5. Мусиенко Т.В., Лукин В.Н. Формирование идентичности как государственная задача // *Credo New*. – 2018. – № 1(93). – С. 10. – EDN YQMINA.
6. Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Гуманитарные науки как элемент российской идентичности // *Юридическая наука: история и*

современность. – 2022. – № 6. – С. 11-20. – EDN KEGENU.

7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // *Юридическая наука: история и современность.* – 2016. – № 1. – С. 23-40. – EDN UBPYXO.

8. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право, свобода, закон. Контрфорс // *Образование и право.* – 2021. – № 9. – С. 30-35. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-9-30-35. – EDN RPUFFS.

9. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / Отв. ред. А.Я. Капустин. – М.: НОРМА, 2023. – 336 с. – DOI 10.12737/1926386. – EDN EKYHRA.

10. *Большакова В.М., Сальников В.П.* Правовой тропой нового гуманизма: рефлексия над современной концепцией взаимодействия международного и внутригосударственного права (рецензия на монографию «Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права» (отв. ред. А.Я. Капустин. М., 2023)) // *Журнал российского права.* – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 164-171. – DOI 10.61205/jrp.2024.2.8. – EDN RLVBPF.

11. *Степашин С.В.* Право и гуманитарные ценности как опора в период турбулентности мировой политики // *XI Петербургский международный юридический форум.* – СПб: Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. – С. 17-19.

12. *Лавров.* Навязываемый Западом «порядок, основанный на правилах», подразумевает расистское деление мира // *Российская газета,* 27 августа 2022.

13. *Вылегжанин А.Н., Нefeldов Б.И., Воронин Е.Р., Магомедова О.С., Зотова П.К.* The Term “Rules-based International Order” in International Legal Discourses / A. N. Vylegzhanin, B. I. Nefedov, E. R. Voronin [et al.] // *Moscow Journal of International Law.* – 2021. – No. 2. – P. 35-60. – DOI 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60. – EDN JOWIWE.

14. *Цицерон.* Диалоги о государстве – о законах. – М.: Наука, 1994. – С. 9-10.

15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия.

Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. – ISBN 978-5-4396-0860-7. – EDN TMSTBZ.

16. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. – DOI 10.17513/np.467

17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. – ISBN 978-5-4396-1810-1. – EDN YURGAP.

18. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А., Виноградова Е.В., Грибов И.Н., Гутман М.Ю., Захарцев С.И., [и др.]. – СПб: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с. – EDN ZIMTJN.

19. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А., Виноградова Е.В., Вихров А.А., Гутман М.Ю., Захарцев С.И., [и др.]. – СПб: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с. – EDN LNSEWI.

20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компреденная теория познания права // *Юридическая наука: история и современность.* – 2015. – № 8. – С. 11-26. – EDN UIPFID.

21. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об обосновании компреденного подхода для познания права // *Теория государства и права.* – 2016. – № 2. – С. 36-54. – EDN YGAQOT.

22. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления о компреденной теории права // *Образование и право.* – 2021. – № 5. – С. 98-105. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105. – EDN DMIOUB.

23. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компреденная теория права как путь познания его сущности // *Научно-исследовательские публикации.* – 2021. – № 1. – С. 5-45. – EDN

ННАЗТО.

24. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4(33). – С. 4-13. – DOI 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13. – EDN XSXNJI.

25. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания // Сущность права: Сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / Под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 105-118 – EDN PHGVJG.

26. *Сальников В.П., Захарцев В.П., Гасумянов В.И.* Право в XXII веке. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 264 с.

27. *Груздев Р.В., Мусиенко Т.В., Лукин В.Н.* Власть и ненасильственная борьба в теории Джина Шарпа / Т. В. Мусиенко, В. Н. Лукин, Р. В. Груздев // *Credo New*. – 2018. – № 2(94). – С. 11. – EDN UPTJBG.

28. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Академический Проект, 2015. – 602 с. – ISBN 978-5-8291-1767-2. – EDN VRSGVB.

29. *Ходаковский Е.А.* Россия в глобальном противостоянии Запада и Востока. – СПб: Наука, 2007. – 258 с. – ISBN 978-5-02-025178-6. – EDN QRHQTV.

30. *Комаров М.П., Матвеев В.В.* Советская хроника развала СССР и становление новой России. – СПб: Стратегия будущего, 2017. – 423 с.

31. *Ивашов Л.Г.* Геополитика русской цивилизации. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 800 с. – EDN XDCIJT.

32. *Ивашов Л.Г.* Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? – М.: Аргументы недели, 2021. – 528 с.

33. *Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К.* Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.

34. *Шевченко В.Н.* К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». – М.: РАГС, 1995. – 222 с.

35. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства). Коллективная монография / Под ред. доктора филос. наук, проф. И.Ф. Кефели; предисловие академика РАН С.Ю. Глазьева. – СПб.: Петрополис, 2022. – 532 с. – ISBN 978-5-9676-1364-7. – EDN APWULA.

36. *Кефели И.Ф., Кузнецов Д.И.* Евразийский вектор глобальной геополитики. – М.: Юрайт, 2018. – 274 с. – ISBN 978-5-534-06678-4. – EDN WCLMKK.

37. *Кондратьева А.Н., Сальников М.В., Цыганов В.И.* Идеи евразийства в политико-правовой реальности современной России // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1(51). – С. 67-74. – EDN YUKEMM.

38. *Аубакирова И.У.* Современная евразийская модель государственного управления: политико-правовое измерение: Монография / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: Зерцало-М, 2016. – 416 с. – ISBN 978-5-94373-367-3. – EDN XMZJTV.

39. *Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В.* Ф.М. Достоевский и евразийская идея // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 1. – С. 169-182. – EDN OWFKYL.

40. *Сальников В.П., Романовская В.Б.* «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-14. – EDN YXKBGG.

41. *Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р.* Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68. – EDN UKCCEV.

42. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Итоги 2016 года / Под ред. В. Н. Колотова. – СПб: НП-Принт, 2017. – 833 с.

43. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139. – EDN XQGBPВ.
44. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94. – EDN LBMAJВ.
45. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150. – EDN MLQAPZ.
46. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1(55). – С. 52-60. – EDN YJBWIW.
47. Lantis J. S., Howlett D. Strategic Culture // In book: Strategy in the Contemporary World. November 2018. – P. 89-107. – DOI:10.1093/hepl/9780198807100.003.0006.
48. Gray C.S. Out of the wilderness: Prime time for strategic culture // Comparative Strategy. – 2007. – V. 26. – No 1. – P. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/01495930701271478>
49. Бископ Свен. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2009. – Т. 4, № 2. – С. 105-120. – EDN KКXRIB.
50. Литвиненко А. «Стратегическая культура России. Выводы для Украины». URL.: <http://argumentua.com/stati/nas-zhdet-ochen-zhestkoe-stolknovenie-s-rossiei-no-interventsii-ne-budet> (дата обращения: 07.10. 2024).
51. Adamsky D. Strategic Culture // Strategy in the Contemporary World. – February 2022. – P. 91-106. – DOI:10.1093/hepl/9780192845719.003.0006.
52. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., Михеев В.Л., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия в 3-х томах. Т.1: История и современность. – СПб: Архей, 2011.383 с. – ISBN 978-5-905316-02-9. – EDN YUVXNO.
53. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., Михеев В.Л., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия в 3-х томах. Т.2: Противодействие международному терроризму: поиск новой парадигмы. – СПб: Архей, 2011. – 482 с. – ISBN 978-5-905316-03-6. – EDN YUVVJM.
54. Schmidt P, Zyla B. European Security Policy: Strategic Culture in Operation? // Contemporary security policy. – 2011. – V. 32. – No 3. – P. 484-493. – DOI: 10.1080/13523260.2011.626329.
55. Berchev D. The Past and the Future of European Union Strategic Culture and Thinking in the Field of Security and Defens // Сигурност и отбрана. – 2024. – №. 1. – С. 25-49. – DOI: 10.70265/JNYP4464 ISBN: 2815-4584.
56. Mi X. Strategic cultures between the EU member states: convergence or divergence? // European Security. – 2023. – V. 32. – No 4. – С. 558-582. – DOI: 10.1080/09662839.2022.2159384.
57. Paile-Calvo S. European Strategic Culture in the Citizens' Eyes // Сигурност и отбрана. – 2023. – No 1. – P. 9-22. – DOI: 10.70265/FSPL3210.
58. Stojanovic S. Contemporary strategic culture and neutrality // Vojno delo. – 2020. – V. 72. – No 4. – P. 210-233. – DOI: 10.5937/vojdelo2004210S.
59. Belukhin N. E., Vorotnikov V. V., Dianina S. Y. Reputation and status in Denmark's strategic culture // Baltic Region. – 2023. – V. 15. – No 3. – P. 4-28. – DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-1.
60. Lashkaryov I.D., Parenkov D. Non-expansionist variants of poland's strategic culture: a retrospective of ideas and current implications // Baltic Region. – 2022. – V. 14. – No 2. – P. 69-82. DOI:10.5922/2079-8555-2022-2-5.
61. Лошкарев И.Д. Экспансионизм в стратегической культуре Польши: историческая ретроспектива и вариации // Балтийский регион. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 126-138. – DOI 10.5922/2079-8555-2023-2-7. – EDN RMSXH

62. *Zarobny S.* Changes in Polish Strategic Culture in the Context of Challenges and Threats of the 21st Century // *Security Dimensions. International and National Studies.* – 2020. – No 34. – P. 122-144. – DOI: 10.5604/01.3001.0014.5607.
63. *Zarobny S.* Historical and ideological of the formation of Poland and the United States' strategic culture // *Security Dimensions. International and National Studies.* – 2022. – No 43. – P. 21-37. – DOI: 10.5604/01.3001.0054.1481.
64. *Reeves Ch.* Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland // *Politeja-Pismo Wydziału Studiów Międzynarodowych i Politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego.* – 2021. – V. 18. – No 75. – P. 283-305. – DOI: 10.12797/Politeja.18.2021.75.14.
65. *Jeremic Z.* Strategic culture of Hungary in the post-cold war period // *Godišnjak Fakulteta bezbednosti.* – 2021. – No 1. – P. 51-73. – DOI: 10.5937/fb_godisnjak0-34213.
66. *Glaser M., Polyachenko A.* Political Expertise of the Ukrainian Crisis by the German Institute for International and Security Affairs: New Conclusions about German Strategic Culture // *Analysis and Forecasting MEMO Journal.* – January 2023. – DOI: 10.20542/afj-2023-2-57-72.
67. *Мусиенко Т.В.* Современные глобальные процессы: микрополитический анализ. – СПб.: Наука, 2004. – 598 с.
68. *Burns A., Eltham B.* Australia's Strategic Culture: Constraints and Opportunities in Security Policymaking // *Contemporary Security Policy.* – 2014. – V. 35(2). – P. 187-210. – DOI: 10.1080/13523260.2014.927672.
69. *Lantis J. S.* Strategic Cultures and Security Policies in the Asia-Pacific // *Contemporary Security Policy.* – July 2014. – V. 35(2). – P. 166-186. – DOI: 10.1080/13523260.2014.927676
70. *Vitoria A., Kozub M.* The Influence of strategic culture on shaping security policy // *Security and Defence Quarterly.* – 2019. – V. 27. – No 5. – P. 44-56. DOI: 10.35467/sdq/111661.
71. *Fasola N.* Reinterpreting Russia's Strategic Culture: The Russian Way of War. – Taylor & Francis, 2024. – DOI: 10.4324/9781032648446-3.
72. *Кожухова К.Е.* Российская стратегическая культура как объект научного исследования // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки.* – 2022. – № 4(849). – С. 39-45. – DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39. – EDN PKXSBX.
73. *Кожухова К.Е.* Российская стратегическая культура – ключ к российской идентичности // *Российская идентичность: Сборник материалов Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ.* – М., 2023. – С. 193-202.
74. *Кожухова К.Е.* Российская стратегическая культура на современном этапе // *Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 26–28 октября 2022 года.* – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2023. – С. 497-502.
75. *Вершинин А.А., Кривопапов А.А.* Российская стратегическая культура: опыт исторической ретроспективы // *Россия в глобальной политике.* – 2023. – Т. 21, № 6(124). – С. 80-98. – DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-6-80-98. – EDN ХМВГКЕ.
76. *Алексеева Т.А.* Стратегическая культура в исследовании проблем национальной безопасности // *Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии.* – М., 2023. – С. 3-23. – EDN KNJOPS.
77. *Белозёров В.К.* Методы анализа стратегических культур // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 29-49. – DOI 10.31249/kgt/2022.05.02. – EDN MLKXZE.
78. *Бартош А.А.* Стратегическая культура как инструмент военно-политического анализа // *Военная мысль.* – 2020. – № 7. – С. 6-21. – EDN UPWRSJ.

References

1. Letter to the Speaker of the House and President Pro Tempore of the Senate Regarding the War Powers Report URL.: <https://www.whitehouse.gov/>

briefing-room/statements-releases/2024/12/06/letter-to-the- (date of access: 07.10.2024).

2. “Ukrainian weapons that have already had confirmed combat use,” Zelensky said. URL.: <https://fedpress.ru/news/ukraine/policy/3352390> (date of access: 07.10.2024).

3. *Artamonov V.S., Lukin V.N., Musienko T.V., Artamonova G.K., Maly I.A.* Security in geopolitics: theoretical and methodological aspects. Monograph / Ed. V.S. Artamonov. (Series: Russian Arctic. Issue 1). 2nd ed., revised and enlarged. – M.: Nauka, 2019. – 268 p.

4. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / edited by V.P. Salnikov. 2nd ed., revised and enlarged. – M.: INFRA-M, 2024. – 423 p. – DOI 10.12737/2127021. – EDN AKWZPE.

5. *Musienko T.V., Lukin V.N.* Formation of identity as a state task // *Credo New*. – 2018. – No. 1(93). – P. 10. – EDN YQMIHA.

6. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Humanities as an Element of Russian Identity // *Legal Science: History and Modernity*. – 2022. – No. 6. – P. 11-20. – EDN KEGEHU.

7. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* What Distinguishes a Person of Russian Culture from Any Other: a Philosophical and Legal View // *Legal Science: History and Modernity*. – 2016. – No. 1. – P. 23-40. – EDN UBPYXO.

8. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Law, Freedom, Law. Buttress // *Education and Law*. – 2021. – No. 9. – P. 30-35. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-9-30-35. – EDN RPUFFS.

9. The Modern Concept of Interaction between International and Domestic Law / Ed. A. Ya. Kapustin. – M.: NORMA, 2023. – 336 p. – DOI 10.12737/1926386. – EDN EKYHRA.

10. *Bolshakova V.M., Salnikov V.P.* The Legal Path of the New Humanism: Reflection on the Modern Concept of Interaction between International and Domestic Law (review of the monograph “The Modern Concept of Interaction between International and Domestic Law” (ed. A. Ya. Kapustin. M., 2023)) // *Journal of Russian Law*. – 2024. – Vol. 28, No. 2. – P. 164-171. – DOI 10.61205/jrp.2024.2.8. – EDN RLVBPB.

11. *Stepashin S.V.* Law and Humanitarian Values as a Support in a Period of Turbulence in World Politics

// XI St. Petersburg International Legal Forum. – St. Petersburg: Roscongress; Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. – P. 17-19.

12. *Lavrov*. The “Rules-Based Order” Imposed by the West Implies a Racist Division of the World // *Rossiyskaya Gazeta*, August 27, 2022.

13. *Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K.* The Term “Rules-Based International Order” in International Legal Discourses / A. N. Vylegzhanin, B. I. Nefedov, E. R. Voronin [et al.] // *Moscow Journal of International Law*. – 2021. – No. 2. – P. 35-60. – DOI 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60. – EDN JOWIWE.

14. *Cicero*. Dialogues on the State – on the Laws. – M.: Nauka, 1994. – P. 9-10.

15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. – M.: Yurlitinform, 2015. – 264 p. – ISBN 978-5-4396-0860-7. – EDN TMSTBZ.

16. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law: Monograph. – M.: Yurlitinform, 2019. – 376 p. – DOI 10.17513/np.467

17. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and Legal Science: Monograph. – M.: Yurlitinform, 2019. – 424 p. – ISBN 978-5-4396-1810-1. – EDN YURGAP.

18. Goodness, Trust, Justice in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity: Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov; Ananskikh I.A., Vinogradova E.V., Gribov I.N., Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., [et al.]. – SPb: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, University Foundation, 2022. – 463 p. – EDN ZIMTJN.

19. Philosophical and legal knowledge: current issues. Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov; Ananskikh I.A., Vinogradova E.V., Vikhrov A.A., Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., [et al.]. – SPb: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. – 417 p. – EDN LNSEWI.

20. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of knowledge of law // *Legal science: history and modernity*. – 2015. – No. 8. – P. 11-26. – EDN UIPFID.

21. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On the

Justification of the Comprehend Approach to Understanding Law // Theory of State and Law. - 2016. - No. 2. - P. 36-54. - EDN YGAQOT.

22. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the Comprehend Theory of Law // Education and Law. - 2021. - No. 5. - P. 98-105. - DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105. - EDN DMIOUB.

23. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend Theory of Law as a Way of Understanding Its Essence // Research Publications. - 2021. - No. 1. - P. 5-45. - EDN NHAZTO.

24. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehendable Theory of Understanding Law // Monitoring Law Enforcement. - 2019. - No. 4(33). - P. 4-13. - DOI 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13. - EDN XSXNJI.

25. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Essence of Law in the Focus of the Comprehendable Theory of Understanding It // The Essence of Law: Collection of Articles for the 100th Anniversary of the Birth of Professor M.I. Baitin / Ed. by V.M. Baranov, S.A. Belousov, I.N. Senyakin. - Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. - P. 105 - 118 - EDN PHGVJG.

26. *Salnikov V.P., Zakhartsev V.P., Gasumyanov V.I.* Law in the XXII century. - M.: Yurlitinform, 2024. - 264 p.

27. *Gruzdev R.V., Musienko T.V., Lukin V.N.* Power and non-violent struggle in the theory of Gene Sharp / T. V. Musienko, V. N. Lukin, R. V. Gruzdev // Credo New. - 2018. - No. 2 (94). - P. 11. - EDN UPTJBG.

28. *Danilevsky N.Ya.* Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Roman one. - M.: Academic Project, 2015. - 602 p. - ISBN 978-5-8291-1767-2. - EDN VRSGVB.

29. *Khodakovskiy E.A.* Russia in the global confrontation between West and East. - Spb: Science. 2007. - 258 p. - ISBN 978-5-02-025178-6. - EDN QPHQTB.

30. *Komarov M.P., Matveev V.V.* Soviet chronicle of the collapse of the USSR and the formation of a new Russia. - St. Petersburg: Strategy of the Future, 2017. - 423 p.

31. *Ivashov L.G.* Geopolitics of Russian civilization. - M.: Institute of Russian Civilization, 2015. - 800 p. - EDN XDCIJT.

32. *Ivashov L.G.* Geopolitical drama of Russia. Will Russia survive in the 21st century? - M.: Argumenty

Nedeli, 2021. - 528 p.

33. *Salnikov V.P., Ivashov L.G., Dzhegutanov B.K.* Philosophy of globalization (Methodological foundations of the geopolitical doctrine of Russia): Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. - St. Petersburg: University Foundation, 2006. - 268 p.

34. *Shevchenko V.N.* On the modern debates around the Eurasian idea // Social theory and modernity. Issue. 18. The Eurasian Project of Russia's Modernization: Pros and Cons. Moscow: RAGS, 1995. 222 p.

35. Soviet Civilization and the Eurasian Idea: Two Stories a Century Long (on the 100th Anniversary of the Formation of the USSR and the Establishment of Eurasianism). Collective monograph / Ed. by Doctor of Philosophy, Professor I.F. Kefeli; foreword by Academician of the Russian Academy of Sciences S.Yu. Glazyev. St. Petersburg: Petropolis, 2022. 532 p. - ISBN 978-5-9676-1364-7. - EDN APWULA.

36. *Kefeli I.F., Kuznetsov D.I.* The Eurasian Vector of Global Geopolitics. Moscow: Yurait, 2018. 274 p. - ISBN 978-5-534-06678-4. - EDN WCLMCK.

37. *Kondratieva A.N., Salnikov M.V., Tsyganov V.I.* Ideas of Eurasianism in the Political and Legal Reality of Modern Russia // The Rule of Law: Theory and Practice. - 2018. - No. 1(51). - P. 67-74. - EDN YUKEMM.

38. *Aubakirova I.U.* Modern Eurasian Model of Public Administration: Political and Legal Dimension: Monograph / Moscow State University named after M.V. Lomonosov. - M.: Zertsalo-M, 2016. - 416 p. - ISBN 978-5-94373-367-3. - EDN XMZJTV.

Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., F.M. Dostoevsky and the Eurasian Idea // Legal Science: History and Modernity. - 2023. - No. 1. - P. 169-182. - EDN OWFKYL.

39. *Salnikov V.P., Romanovskaya V.B.* "Orient" or "oxident": which direction is the Russian eagle facing? // The World of Politics and Sociology. - 2014. - No. 11. - P. 11-14. - EDN YXKBGG.

40. *Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R.* Why to the East: Russia's turn in the modern political and legal space // Legal field of the modern economy. - 2015. - No. 9. - P. 58-68. - EDN UKCCEV.

41. Eurasian arc of instability and problems of regional security from East Asia to North Africa. Results of 2016 / Ed. V.N. Kolotov. - St. Petersburg: –NP-Print, 2017. – 833 p.
42. *Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L.* Sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring military security // The world of politics and sociology. – 2017. – No. 1. – P. 120-139. – EDN XQGBP.V.
43. *Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L.* Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring National Security // Legal Science: History and Modernity. – 2016. – No. 12. – P. 69-94. – EDN LBMAJV.
44. *Salnikov S.P., Prokofiev K.G., Silantyeva V.A., Klimenko O.A., Silantyeva N.V.* Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring Spiritual Security // The World of Politics and Sociology. – 2018. – No. 1. – P. 139-150. – EDN MLQAPZ.
45. *Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantyeva V.A.* Spiritual Security in Contemporary Russian Society: Threats and Ways to Overcome Them // The Rule of Law: Theory and Practice. - 2019. - No. 1 (55). - P. 52-60. - EDN YJBWIW.
46. *Lantis J. S., Howlett D.* Strategic Culture // In book: Strategy in the Contemporary World. November 2018. – P. 89-107. – DOI: 10.1093/hepl/9780198807100.003.0006.
47. *Gray C.S.* Out of the Wilderness: Prime Time for Strategic Culture // Comparative Strategy. - 2007. - V. 26. - No. 1. - P. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/01495930701271478>
48. *Biskop Sven.* Foundations of the updated European security strategy // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. - 2009. - Vol. 4, No. 2. - P. 105-120. - EDN KKXRIB.
49. *Litvinenko A.* “Strategic culture of Russia. Conclusions for Ukraine”. URL.: <http://argumentua.com/stati/nas-zhdet-ochen-zhestkoe-stolknovenie-s-rossiei-no-interventsii-ne-budet> (date of access: 07.10. 2024).
50. *Adamsky D.* Strategic Culture // Strategy in the Contemporary World. – February 2022. – P. 91-106. – DOI:10.1093/hepl/9780192845719.003.0006.
51. *Bayramov Sh.B., Lukin V.N., Musienko T.V., Mikheev V.L., Pidzhakov A.Yu., Smyslov B.A.* International terrorism: challenges and counteractions in 3 volumes. T.1: History and modernity. – St. Petersburg: Arcey, 2011.383 p. – ISBN 978-5-905316-02-9. – EDN YUVXNO.
52. *Bayramov Sh.B., Lukin V.N., Musienko T.V., Mikheev V.L., Pidzhakov A.Yu., Smyslov B.A.* International terrorism: challenges and counteractions in 3 volumes. Vol.2: Counteraction of international terrorism: search for a new paradigm. – SPb: Arcey, 2011. – 482 p. – ISBN 978-5-905316-03-6. – EDN YUVVJM.
53. *Schmidt P., Zyla B.* European Security Policy: Strategic Culture in Operation? // Contemporary security policy. – 2011. – V. 32. – No. 3. – P. 484-493. – DOI: 10.1080/13523260.2011.626329.
54. *Berchev D.* The Past and the Future of European Union Strategic Culture and Thinking in the Field of Security and Defense // Sigurnost and selected. – 2024. – No. 1. – pp. 25-49. – DOI: 10.70265/JNYP4464ISBN: 2815-4584.
55. *Mi X.* Strategic cultures between the EU member states: convergence or divergence? // European Security. – 2023. – V. 32. – No. 4. – P. 558-582. – DOI: 10.1080/09662839.2022.2159384.
56. *Paile-Calvo S.* European Strategic Culture in the Citizens’ Eyes // // Sigurnost and selected. – 2023. – No. 1. – P. 9-22. – DOI: 10.70265/FSPL3210.
57. *Stojanovic S.* Contemporary strategic culture and neutrality // Vojno delo. – 2020. – V. 72. – No. 4. – P. 210-233. – DOI: 10.5937/vojdelo2004210S.
58. *Belukhin N. E., Vorotnikov V. V., Dianina S. Y.* Reputation and status in Denmark’s strategic culture // Baltic Region. – 2023. – V. 15. – No. 3. – P. 4-28. – DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-1.
59. *Lashkaryov I.D., Parenkov D.* Non-expansionist variants of Poland’s strategic culture: a retrospective of ideas and current implications // Baltic Region. – 2022. – V. 14. – No. 2. – P. 69-82. DOI:10.5922/2079-8555-2022-2-5.
60. *Loshkarev I.D.* Expansionism in the Strategic Culture of Poland: Historical Retrospective and Variations // Baltic Region. - 2023. - Vol. 15, No. 2. - P. 126-138. - DOI 10.5922/2079-8555-2023-2-7. - EDN RMSXH
61. *Zarobny S.* Changes in Polish Strategic Culture in the Context of Challenges and Threats of the 21st Century // Security Dimensions. International and

National Studies. - 2020. - No. 34. - P. 122-144. - DOI: 10.5604/01.3001.0014.5607.

62. *Zarobny S.* Historical and ideological of the formation of Poland and the United States' strategic culture // Security Dimensions. International and National Studies. - 2022. - No. 43. - P. 21-37. - DOI: 10.5604/01.3001.0054.1481.

63. *Reeves Ch.* Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland // Politeja-Pismo Wydziału Studiów Międzynarodowych i Politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego. - 2021. - V. 18. - No. 75. - P. 283-305. - DOI: 10.12797/Politeja.18.2021.75.14.

64. *Jeremic Z.* Strategic culture of Hungary in the post-cold war period // Godišnjak Fakulteta bezbednosti. - 2021. - No 1. - P. 51-73. - DOI: 10.5937/fb_godisnjak0-34213.

65. *Glaser M., Polyachenko A.* Political Expertise of the Ukrainian Crisis by the German Institute for International and Security Affairs: New Conclusions about German Strategic Culture // Analysis and Forecasting MEMO Journal. - January 2023. - DOI: 10.20542/afj-2023-2-57-72.

66. *Musienko T.V.* Modern global processes: micropolitical analysis. - St. Petersburg: Nauka, 2004. - 598 p.

67. *Burns A., Eltham B.* Australia's Strategic Culture: Constraints and Opportunities in Security Policymaking // Contemporary Security Policy. - 2014. - V. 35(2). - P. 187-210. - DOI: 10.1080/13523260.2014.927672.

68. *Lantis J.S.* Strategic Cultures and Security Policies in the Asia-Pacific // Contemporary Security Policy. - July 2014. - V. 35(2). - P.166-186. - DOI: 10.1080/13523260.2014.927676

69. *Vitoria A., Kozub M.* The Influence of strategic culture on shaping security policy // Security and Defense Quarterly. - 2019. - V. 27. - No. 5. - P. 44-56. DOI: 10.35467/sdq/111661.

70. *Fasola N.* Reinterpreting Russia's Strategic Culture: The Russian Way of War. - Taylor & Francis, 2024. - DOI: 10.4324/9781032648446-3.

71. *Kozhukhova K.E.* Russian strategic culture as an object of scientific research // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. - 2022. - No. 4(849). - P. 39-45. - DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39. - EDN PKXSBX.

72. *Kozhukhova K.E.* Russian strategic culture is the key to Russian identity // Russian identity: Collection of materials of the All-Russian competition of research papers. - M., 2023. - P. 193-202.

73. *Kozhukhova K.E.* Russian strategic culture at the present stage // Megatrends of world politics: globalization, polarization, extremism: Collection of materials of the International scientific and practical conference, Moscow, October 26-28, 2022. - Moscow: Moscow State Linguistic University, 2023. - P. 497-502.

74. *Vershinin A.A., Krivopalov A.A.* Russian strategic culture: the experience of historical retrospective // Russia in global politics. - 2023. - Vol. 21, No. 6(124). - P. 80-98. - DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-6-80-98. - EDN XMBGKE.

75. *Alekseeva T.A.* Strategic culture in the study of national security problems // Scientific works of scientists of the 1st department - Department of General Problems of War, Peace and Army. - M., 2023. - Pp. 3-23. - EDN KNJOPS.

76. *Belozеров V.K.* Methods of analysis of strategic cultures // Contours of global transformations: politics, economics, law. - 2022. - Vol. 15, No. 5. - Pp. 29-49. - DOI 10.31249/kgt/2022.05.02. - EDN MLKXZE.

77. *Bartosh A.A.* Strategic culture as a tool of military-political analysis // Military Thought. - 2020. - No. 7. - Pp. 6-21. - EDN UPWRSJ.

Статья поступила в редакцию 17 октября 2024 г.
Принята к публикации 19 декабря 2024 г.

Ссылка для цитирования: Сальников В.П., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Национальная безопасность и стратегическая культура // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2024. № 4(48). С. 5-28. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2024-4-5-28>

For citation: Salnikov V.P., Lukin V.N., Musienko T.V. National Security and Strategic Culture // National security and strategic planning. 2024. № 4(48). pp. 5-28. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2024-4-5-28>

Сведения об авторах:

САЛЬНИКОВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-лейтенант милиции в отставке, г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4358-0796>

SPIN-код: 3165-0442

e-mail: Fonduniver@bk.ru

ЛУКИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, ассоциированный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Социологического института РАН, России, действительный член Петровской академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-2353>

SPIN-код: 4157-3995

e-mail: lvn55555@mail.ru

МУСИЕНКО ТАМАРА ВИКТОРОВНА – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры управления и экономики, профессор кафедры философии и социальных наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, ассоциированный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Социологического института РАН, действительный член Петровской академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9658-1169>

SPIN-код: 2319-0146

e-mail: tvm77777@mail.ru

Information about authors:

SALNIKOV VIKTOR P. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4358-0796>

SPIN: 3165-0442

e-mail: Fonduniver@bk.ru

LUKIN VLADIMIR N. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinicheva, associate researcher at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences - Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia, full member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2480-2353>

SPIN: 4157-3995

e-mail: lvn55555@mail.ru

MUSIENKO TAMARA V. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Economics, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Associate Researcher of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences - Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Full member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9658-1169>

SPIN: 2319-0146

e-mail: tvm77777@mail.ru